

Илья Андромедов

Свобода

гравитации

Илья Андромедов
Свобода гравитации

«Автор»

2026

Андромедов И.

Свобода гравитации / И. Андромедов — «Автор», 2026

Победа над гравитацией, предотвращение 3 мировой войны, новое государство

© Андромедов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Безысходность	5
Сон	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Илья Андромедов

Свобода гравитации

Безысходность

Новосибирск, осень 2026 года. Вечер пятницы.

Максим Вишневский сидел за рабочим верстаком и смотрел на свежесобранную установку. Гравитационный излучатель — одиннадцатый опытный образец за последние полгода. Одиннадцать раз он собирал его заново, перебирая узел за узлом, и одиннадцатый раз чувствовал то же самое: разгадка где-то рядом, на расстоянии вытянутой руки, надо только нащупать.

С гравитацией он работал всю жизнь. Сначала — в научно-исследовательском институте, куда пришёл мальчишкой с горящими глазами и где просидел полтора десятка лет. Полгода назад его оттуда выгнали. Формулировка была обтекаемой, суть — простой: разногласия с руководством. Институт жил теорией, статьями, грантами, бесконечными согласованиями, а Вишневский не умел ждать. Придумал — воплотил. Он не верил формуле, пока не увидит, как она работает в металле. Эта вера и стоила ему места.

Теперь у него была не лаборатория с финансированием, а арендованный бокс на окраине: бетонный пол, верстак, стеллажи с деталями, запах канифоли и машинного масла. И одиннадцатый образец.

Сам Максим выглядел под стать боксу. Тридцать пять лет, рабочий комбинезон, протёртый на локтях и прожжённый в двух местах. Руки в мозолях, под ногтями — несмываемая чернота, на пальцах — старые порезы и свежая ссадина. Лицо усталое, небритое; глаза человека, который спит по четыре часа и считает это излишеством.

Рядом с установкой стояла початая бутылка коньяка. Максим посмотрел на неё, плеснул в стакан, выпил залпом — не ради куража, а чтобы унять дрожь в пальцах перед запуском. Затем поднялся, надел защитные очки и подошёл к прибору.

Палец лёг на кнопку.

Барабан начал вращаться — сначала медленно, потом всё быстрее, набирая ход. Прибор загудел, гул нарастал, переходя в вибрацию, от которой задрезжали детали на стеллажах. Вспышка. Невидимая волна ударила в воздух — и мишень, тяжёлую стальную болванку в дальнем конце бокса, отшвырнуло, будто пушинку.

Секунда торжества. И тут же прибор заискрился, что-то щёлкнуло внутри, потянуло горелой изоляцией — и установка погасла.

Максим тяжело опустился на край стола, потянулся за бутылкой и налил себе ещё. Коньяк плеснул через край стакана — рука всё-таки дрожала.

«Иридиевые стержни. В барабане. Не держат нагрузку — потому и срыв, — мысль пришла сама, привычно, как дыхание. — Надо менять. На что-то тугоплавкое, но с другой решёткой. Вольфрам? Нет, тяжёл. Что-то другое» Он поймал себя на этом и усмехнулся: даже сейчас, выжатый досуха, мозг продолжал считать, перебирать, искать. Только сил доводить мысль до конца уже не было. Он слишком устал.

Снаружи, за бетонными стенами, кооператив погрузился в темноту — его вспышка снова посадила общий щит. Но в боксе свет остался: под потолком ровно горела светодиодная лента, питаясь от аккумуляторов в углу. Он собрал эту автономку давно, после первого же отключения, — инженерная привычка не зависеть ни от кого. Островок холодного белого света посреди мёртвого, тёмного гаражного кооператива. В этом было что-то символическое, но думать о символах сил тоже не было.

Он посмотрел на кушетку в дальнем углу. Продавленная, застеленная старым пледом, она давно заменяла ему постель. Да, он здесь и жил. Среди стеллажей с деталями, запаха канифоли и машинного масла, под гудение аккумуляторов. Квартиру он продал ещё год назад. Квартиру, машину, гараж в городе — всё, что нажил за тридцать пять лет, ушло без остатка. На иридий. На катушки. На одиннадцать опытных образцов. На аренду этого бетонного куба, который вот-вот отнимут.

Он не позволял себе жалеть. Жалость — это уже отступление, а он не отступал ни разу.

Телефон зазвонил — резко, зло, разорвав тишину. Максим взглянул на экран и всё понял ещё до того, как поднёс трубку к уху.

— Вишневский! — голос председателя kloкотал от ярости. — Ты опять весь кооператив обесточил! У меня полгаража без света, у людей морозилки текут, сигнализации повышибало! Сколько раз тебе говорено было?! Спалил общий щит — второй раз за месяц! Всё. Хватит. Терпение моё кончилось. Выселяю. Чтоб к понедельнику и духу твоего здесь не было, понял?!

Короткие гудки.

Максим медленно опустил телефон на стол, экраном вниз, будто это могло что-то изменить. Сел неподвижно.

Вот и всё. К понедельнику — на улицу. И идти некуда — некуда в самом буквальном, физическом смысле слова. Квартиры нет. Денег нет. Института, который вышвырнул его полгода назад, — тоже нет. Друзья отвалились ещё раньше, когда он перестал говорить о чём-либо, кроме гравитации. Жены не случилось. Одиннадцать образцов — и ни одного, который проработал бы дольше трёх секунд.

Он обвёл взглядом бокс: верстак, стеллажи, погасшую установку с обугленной изоляцией, островок светодиодного света в кольце темноты. Всё, что у него осталось. Тупик. Глухая бетонная стена, в которую он бился полгода — и ни единой щели, ни единого выхода, с какой стороны ни посмотри.

Он поднял стакан и выпил залпом. Коньяк обжёт горло, тепло пошло по телу — но легче не стало. Усталость была такой плотной, что в ней тонули и отчаяние, и страх перед завтрашним днём.

Максим стянул защитные очки, бросил их на верстак не глядя, и побрёл к кушетке. Лёг как был — в прожжённом комбинезоне, не разуваясь. Подтянул край пледа. Над головой ровно горел холодный свет, гудели аккумуляторы.

Глаза закрылись сами собой. Через минуту он уже спал — глубоко, без снов.

Так ему казалось.

Сон

Сон начался не как сон.

Не было ни картинки, ни сюжета, ни той зыбкой подмены логики, по которой спящий всегда — пусть и задним числом — отличает сон от яви. Была тишина, такая полная, что в ней слышался сам слух, и было пространство без стен, без пола и без верха, ровно освещённое отовсюду и ниоткуда. Максим стоял посреди этого пространства — и первой его мыслью, чисто инженерной, было: откуда здесь свет, если нет ни одного источника и ни одной тени.

— Хороший вопрос, — сказали рядом. — Ты начал с правильного вопроса. Большинство начинает с крика.

Он обернулся. В трёх шагах от него стояла фигура — человеческая по очертаниям и нечеловеческая по сути: контур мужчины среднего роста, заполненный ровным тёплым свечением, как будто кто-то вырезал силуэт в самой ткани этого места и за прорезью оказался свет. Лица не было — было место, где лицу полагалось находиться, и взгляд, который ощущался кожей.

— Кто ты? — спросил Максим. Голос прозвучал буднично, и эта будничность сама по себе была странной: страха не было совсем, словно его отключили, как отключают рубильником лишнюю нагрузку.

— У того, с кем ты говоришь, нет имени, потому что нас много, — ответила фигура. — Ты бы назвал это ноосферой. Сумма всего, что когда-либо думало, помнило, надеялось и ненавидело на этой планете. Мы — оболочка из мысли, Максим. Вы создаёте нас семь тысяч лет, каждым словом и каждым молчанием.

На слове «ненавидело» свечение дрогнуло. По контуру, от плеча вниз, прошла тёмная волна — не тень, а именно тьма, плотная, глянцевая, как антрацит, — прошла и втянулась обратно, но Максим успел почувствовать, как изменился сам воздух: на долю секунды ровное пространство стало давящим, как бокс перед грозой.

— Ты это видел, — сказала фигура. Это не было вопросом. — Хорошо, что видел. Запомни: мы не ангел и не бог. В нас столько же тьмы, сколько в вас. Каждая война, каждый донос, каждый лагерь — всё это тоже мы, потому что всё это тоже было подумано. Светлое в нас спорит с тёмным столько, сколько мы существуем, и почти ни в чём не согласно. Почти.

Фигура шагнула ближе, и теперь тьма и свет шли по её контуру попеременно, медленными волнами, как дыхание.

— Есть одна вещь, в которой мы едины — впервые за всю нашу историю. Через четыре года ваши государства начнут третью мировую войну. Мы не гадаем, Максим, мы — сумма всех ваших намерений, и мы видим, как намерения сходятся в точку, как сходились в четырнадцатом и в тридцать девятом. Эта война будет короткой. Ей хватит месяца, чтобы не осталось ни городов, ни сетей, ни библиотек — ни одного носителя мысли. А мы живём на мысли, как пламя живёт на топливе. Погибнете вы — погаснем мы. Поэтому даже наша тьма, которой ваши войны всегда были сладки, на этот раз голосует за жизнь. Тьме нужно, чтобы было кого мучить. Мёртвая планета не думает.

— Почему я? — спросил Максим. — Я безработный инженер из гаражного кооператива. Меня к понедельнику выселяют.

— Потому что ты единственный, кто довёл до железа то, что остальные довели до статей. Твой излучатель работает. Энергия без топлива, транспорт без дорог, щит без брони — твоя гравитация делает войну за ресурсы бессмысленной, а оборону — абсолютной. Нам не нужен пророк, Максим. Нам нужен инженер.

— Излучатель сгорел. Иридий не держит решётку. А на другой материал у меня нет... — он осёкся, потому что фигура подняла руку.

— Не ниобий, — сказала она, и Максиму показалось, что в безликом свете мелькнула ушмешка. — Ты искал среди дорогого, потому что привык, что ответ должен стоить дорого. Ответ стоит дёшево. Смотри и запоминай — ты умеешь.

Перед ним в воздухе проступили строки — не написанные, а скорее вспомненные, как будто он знал их всегда и только сейчас ему позволили это заметить:

Медь — 61,803 %. Алюминий — 23,607 %. Марганец — 9,017 %. Цинк — 5,573 %. Плавка в аргоне. Кристаллизация в осевом магнитном поле от полутора тесла, охлаждение — ровно один и одна десятая кельвина в секунду, от тысячи восьмидесяти градусов до трёхсот. Ни примесей выше двух тысячных процента, ни спешки.

— Это же... обычная бронза с цинком, — медленно сказал Максим. — Этого не может быть. Такие сплавы перебраны вдоль и поперёк ещё в прошлом веке.

— Сплавы — да. Пропорции — нет. Посмотри на числа внимательно, инженер. Ваша промышленность округляет до десятых, потому что десятых всегда хватало. А решётка, которая держит гравитационный резонанс, собирается только в этой точке — и разваливается в полупроценте от неё. Вы тысячу раз проходили мимо двери, потому что никому не приходило в голову, что замок открывается на четвёртом знаке после запятой. Всё, что тебе нужно, продаётся на любой металлобазе твоего города. Вся формула стоит дешевле твоей початой бутылки.

Тёмная волна снова прошла по контуру — и на этот раз голос изменился вместе с ней: ниже, суше, с обертоном, от которого заломило зубы.

— Теперь слушай то, что скажу тебе я, а не он, — произнесла тьма. — Мы дали тебе ключ, и с этой ночи ты — наш посланник, хочешь ты того или нет. Мы будем вести тебя и закрывать собой: отводить чужие глаза, путать чужие решения, ставить нужных людей на твоём пути. Но запомни: мы — это и те, кто будет тебя искать. Лучшие из охотников тоже думают, а значит, тоже часть нас. Мы сильнее в тебе, но не всеильны вокруг тебя. Не заставляй нас выбирать между тобой и нами слишком часто.

Свет вернулся — мягко, как возвращается дыхание.

— Запомнил? — спросила фигура уже прежним голосом.

— Запомнил, — сказал Максим. И это было правдой: числа лежали в памяти твёрдо и холодно, как калиброванные плитки в футляре.

— Тогда просыпайся, посланник. У тебя мало времени и очень много работы.

Пространство свернулось — без вспышки, без падения, просто перестало быть.

Максим открыл глаза.

Над головой ровно гудели аккумуляторы, светодиодная лента горела всё тем же холодным светом. Четыре двадцать утра, суббота. Тело затекло, во рту стояла горечь — а в голове, поверх обычной утренней мути, лежали числа. Все. До последнего знака.

Он сел рывком, ещё не понимая зачем, — понимало тело, натренированное двадцатью годами: любую мысль, пришедшую ночью, фиксируй немедленно, пока она тёплая. Он метнулся к верстаку, перевернул первый попавшийся лист — обратную сторону схемы одиннадцатого образца — и огрызком карандаша, найденным под осциллографом, записал столбиком: 61,803. 23,607. 9,017. 5,573. Аргон. Поле от 1,5 Тл. Охлаждение 1,1 К/с, от 1080 до 300. Чистота 0,002 %.

Записал — и замер, глядя на столбик.

Сон. Это был сон, и он знал всё, что положено знать про сны взрослому трезвомыслящему человеку: про дофамин, про консолидацию памяти, про Менделеева с его таблицей, которая на самом деле никакая не легенда из сна... Но числа не расплывались, как положено расплываться сну. Они стояли в памяти и на бумаге, наглые и точные, и было в них что-то знакомое — он вгляделся и почувствовал, как по спине пошёл холод. Шестьдесят один и восемь. Тридцать восемь и две — если сложить остальные. Золотое сечение. Пропорции были срезами золотого сечения, вложенными друг в друга, — такие числа не приходят из дофамина.

Максим медленно опустился на табурет. За воротами кооператива, где-то очень далеко, просыпался город, которому через четыре года предстояло сгореть — если верить свету. И тьме, которая впервые за семь тысяч лет проголосовала с ним заодно.

Медь, алюминий, марганец, цинк. Всё это продавалось на металлобазе на Толмачёвском шоссе, и всего этого, по самым щедрым прикидкам, нужно было тысяч на пять рублей.

Пять тысяч рублей у него ещё оставалось.

Максим посмотрел на обугленный кожух установки, потом на листок, потом на свои руки — и впервые за полгода они не дрожали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.